

Пятый февраль

Заметки из личного дневника

Фото: Майя Жинкина / Коммерсантъ

12:10, 24 февраля 2026,

Елена Панфилова

обозреватель «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

То, каким видится, каким ощущается российское общество в этом, уже пятом военном феврале, сильно отличается от того, что было в нем заметно в предыдущие годы. Сначала все зло или испуганно смотрели по сторонам, отрываясь от бесконечного сканирования новостей в смартфонах. Иногда злость граничила с яростью. Потом появилась тревога: все стали внимательно вглядываться не столько в новости, а всё больше в ценники. Числа, на которых бодро пошли в рост, а ассортимент на прилавках не столько обеднел, сколько переоделся в отечественное. Еще через год появилась усталость и что-то похожее на привычку к тому, что все это надолго. А также привычка чуть тише говорить в общественных местах и загораживать экран смартфона от посторонних. Прошлый февраль манил надеждой, все немного встряхнулись и — трамп-трамп-трамп! — стали прикидывать, что будут делать после мира. А теперь всё замерло и превратилось в серый тягучий клейстер, где доподлинно известно только то, что и дальше будут бомбить и стрелять, переговариваться и обманывать, сжимать тиски репрессий и ограничений, а также отключать интернет. И на вопрос, чего вы ждете в этом году, самым правильным ответом стало: «ни-че-го».

Рано или поздно это должно было случиться. В последние пару лет в доме о двадцати этажах ломался время от времени то один лифт, то другой. А теперь встали оба. На верхних этажах застряли старушки, с утра собравшаяся в поликлинику и за молоком, закутанные в четыре шарфа дети и собаки, которм точно надо было в студеную наружу. Самые смелые отправлялись в длинный путь, с ужасом думая о дороге обратно. Весь дом хором звонил в диспетчерскую, диспетчерская обещала что-то «завтра». И только когда кому-то удалось дозвониться до «приемной мэра», ближе к вечеру появились ремонтники. Довольно бодро взбежав на самую

верхотуру, они надолго там застряли. Из шахты на весь дом громко неслось нецензурное. Обратно, запустив лишь меньший из двух лифтов, через пару часов спускались мрачные. На многочисленные вопросы стихийного митинга из жильцов на первом этаже отвечали неохотно.

— Теперь не сломается?

— Не сразу, но если что, звоните...

— А второй? Когда второй заработает?

— Когда детали найдут.

— Кто найдет?

— Кто-нибудь найдет. Наверное. И вообще, это не к нам вопросы...

— А к кому?..

Тут все замолчали и вместе посмотрели куда-то вверх. Всем всё и так было ясно. Вряд ли поиск и доставка деталей для лифтов входит в приоритеты отечественного параллельного импорта. Скорее, совсем не входит.

Фото: Сергей Александров / Коммерсантъ

Куда податься молодому многообещающему краснодипломнику космического факультета одного из ведущих отечественных технических вузов? Как куда? В Сколково. Почему в Сколково? Потому что там беспилотники. Беспилотники? А как же космос?

— Понимаешь, с космосом сейчас все туманно, а там движуха, там идеи и, чего уж, деньги тоже там.

Ты представить себе не можешь, сколько всего можно делать с этим, если добавить искусственный интеллект. Это ж будущее, всем понятно. Там от заказчиков отбоя нет, и государственная

поддержка ого-го. Покручусь там, а потом посмотрим... У меня отличную идею приняли, уже делаем стендовые испытания.

— А потом?

— Потом поборемся с другими и будем говорить с заказчиками о запуске в серию. Представляешь? Мои идеи и, может, сразу в серию!

— Ты же понимаешь, что твои заказчики могут оказаться в погонах?

— Да какая разница! Идея-то классная, рабочая идея. И потом, все это закончится, а будущее останется, и я в нем буду рулить...

Глаза горят, заказчики строятся в очередь, перспективы сияют. А то, что гениальную идею покрасят в хаки, так это издержки времени.

Непривычные для последних лет морозы заставили горожан достать из шкафов подзабытое термобелье, пуховики на мембране и снегоступы Colambia. Но не вся амуниция сохранила за годы хранения свои свойства.

— Да и ерунда. Просто зашел на сайт и заказал себе новые ботинки.

— Погоди, но их же у нас тут нет, ушли они в двадцать втором, на какой сайт?

— Пф-ф-ф-ф... Это год-два назад надо было в каких-то чатах шариться, искать, что-то у кого-то мутного заказывать и придумывать, как перевести деньги, как привезти сюда. А тут две кнопки нажал, и вчера получил. Красота.

Санкции-санкции... На любые санкции найдется дедушка Маркс, или кто там был, с его спросом и предложением, и все полетит, как надо людям.

Да, чуть дороже, но так и так красота: у меня ботинки, у людей, кто это сделал, — работа, налоги платятся, экономика работает.

Когда-то, еще буквально несколько лет назад, они вместе смотрели матчи чемпионата мира по футболу, повесив на стене дома большой экран, настроив проектор, вытащив из квартир столы и пуфы, запасшись пивом и чипсами. Вместе орали и прыгали, когда кто-то забивал, и дружно ругались, когда они же проигрывали. А потом на двор упал февраль, кто-то уехал, кто-то уехал и вернулся, кто-то закрылся в четырех стенах и маршруте дом-работа-дом, а кто-то наклеил огромную бодрую «зетку» на машину и начал козырять дружбой с «пацанами за ленточкой». Когда выпал очередной большой снег, по старой памяти все взяли в руки лопаты.

— Слушай, Олимпиада же скоро, смотреть будешь?

— А чего ее смотреть? Эти пиндосы наших к себе не пустили же, нет больше Олимпиады!

— Да будут там наши, пробилась нейтральными...

— Эти суки продали родину, нечего за них болеть, за этих гадов...

— Ты чего? Ты же раньше лыжи смотрел, болел, орал, а это они же там...

— Еще раз что-то скажешь про этих гадов, я тебе нос сломаю...

И ведь сломал бы.

Фото: Мария Шаповал / ТАСС

Щенки и собаки постарше привычно скакали по отведенной им площадке. Может, чуть более неуклюже скакали из-за зимних комбинезонов, в которые их обрядили заботливые хозяева в силу грянувших холодов. Обычный спокойный вечер, обычная прогулка, обычные дежурные разговоры ни о чем.

— Девочки, девочки, собирайтесь, забирайте своих, уходите, он опять идет!

Раскрасневшаяся пожилая дама с пекинесом в свитере на руках, чуть спотыкаясь, торопилась в сторону площадки по заснеженной дорожке.

— Идет опять со своим, и опять без намордника...

Все сразу всё поняли, засуетились, стали подзывать питомцев, брать их на поводки и двигаться в сторону дальнего выхода с площадки.

«Он» появился тут недавно. Чаще в цивильном, но иногда в чем-то цвета хаки, не всегда трезвый как стеклышко, но и не сильно выпивши. Скорее такой, расслабленно разговорчивый. Раньше его никто тут не видел, но, говорят, он где-то рядом давно жил, просто собаки у него не было. А теперь появилась, и он с ней потянулся в компанию, к людям. С ней, крупной молодой овчаркой, и со своими разговорами про то, что никто тут ничего не понимает, что все живут расслабленно и что вот у него еще был случай. Пару раз, выпив чуть больше обычного, на площадку не шел, а, медленно и не сильно уверенно, нарезая круги по окрестным улицам, громко и обиженно рассказывал что-то свое пространству. И не очень понятно, кого все старались больше избежать: игривой в силу возраста, но не сильно обученной командам овчарки или ее хозяина. И кому больше желали намордника. Но с его появлением и сквер с площадкой, и прилегающие переулки пустели. На всякий случай.

И только совсем пожилой дед, который безо всякой собаки в любую погоду кормил у одной из скамеек голубей, встречал и провожал его негромким:

— Дурное дело нехитрое... Не шлялся бы за

приключениями, а собакой занялся...

Телефон зазвонил совсем поздно вечером. Звонила дальняя родственница из южного региона России. Мы с ней обмениваемся сообщениями время от времени, не особо приставая друг к другу с расспросами: живы-здоровы, и ладно. Так, дежурные вопросы про детей-внуков, такие же дежурные ответы. А тут она позвонила.

— Слушай, ты тут спрашивала, как Ленка наша, а ей как раз помощь нужна. Ты же умная, может, что подскажешь. Они с подругой открыли магазинчик тут, подруга гробовые вложила, а Ленка — свои накопления, торгуют косметикой и всяким таким у нас тут, и хорошо пошло, хотят расширяться, и подумали, что, может им льготы какие полагаются, или субсидии, говорят же, что власти должны помогать... Не узнаешь?

А чего тут узнавать, оно же на виду. Налоговые льготы недавно ввели, займы предлагают. Дала контакты «Защитников России». Там точно должна быть программа для тех, кто гробовые превращает в будущее. Не может не быть.

Дворникам в нынешней зимней Москве не позавидуешь. Если не снегопад, то мороз, если не мороз, то скользкая оттепель, а потом снова снегопад. А людей в оранжевых жилетах стало как будто меньше в последнее время, да и не могло не стать: уж больно усердно особо одаренные патриотические граждане стали с ними бороться.

Оно ж точно легче и полезнее для имиджа — бороться с дворниками-мигрантами, чем

думать о том, как самим обустроить жизнь в стране.

Тем более что общество накручено мигрантофобией и радостно одобряет любые инициативы против приезжих, не очень задумываясь, кто их будет возить на такси, кто будет выпекать им хлеб, привозить продукты из магазина, продавать фрукты и мести дворы и улицы. И вот выпал большой снег, город встал, горожане, чертыхаясь, поползли через сугробы на работу.

Фото: Глеб Щелкунов / Коммерсантъ

И тут вдруг группы и группочки в оранжевых жилетах внезапно возникли по всему центру. По дюжине человек тут и там откидывают снег не сильно ловко, но стараются, скребут. При каждой группе — молодой человек весьма ухоженного вида, ходит туда-сюда, дает указания, ежится от холода. А они, если приглядеться, совсем не традиционной дворницкой

наружности, сильно более южной. Наугад спрашиваю девушку, замотанную по самые глаза в толстый шарф:

— De donde eres?

— De Cuba...

Вроде улыбается глазами, но тут же отворачивается и снова начинает скрести упрямый наст. Молодой человек ухоженного вида хмурит брови и движется к нам. Отхожу, не желая девушке неприятностей, и думаю, что же это за фантазмагория такая, в которой борьба с дворниками-таджиками привела к тому, что лопаты оказались в руках у карибских красавиц.

— А неплохо они убирают... Пока по прямой...

В предбаннике придворного магазина привалились к тумбе с рекламными лифлетами, попивают что-то теплое из термоса и смотрят что-то юмористическое на смартфонах пара наших местных, обычных и знакомых дворников. На их улице словно перевернулся самосвал с пряниками: за них чистят, они теперь как бы даже главные над кем-то. В кои-то веки. Спросила их, как им все это. А они и довольны:

— Мы потом пройдем, глянем, подсыплем соли, где надо...

Попросила их не сыпать слишком много, уж больно от соли плохо собакам, да и людям в хорошей обуви не слишком хорошо. Пообещали, кивнув понимающе. Они ж теперь как бы местные стали, надо соответствовать.

Конечно, и в наши времена были пионеры и зарницы, но видеть совсем мелких школьников в полной военизированной форме все еще непривычно. Песочный костюм, красный берет. Юнармия, похоже, плотно поселилась во многих школах,

особенно в тех, где как грибы расцвели кадетские классы. И что бы там ни было с патриотическими инновациями в школах, почему-то именно вот эти береты как-то особо цепляют.

Особенно когда видишь совсем еще молодых родителей, провожающих своих чад в школу, а те строго просят берет правильно надеть, и делают это очень серьезно и сосредоточенно. А потом со школьного двора несется:

— Мы сегодня будем биться против второго бэ!
И мы их победим!

Вроде обычная детская школьная суета, и все бы ничего, но коктейль из «уроков о важном», «парт героев», беготни с препятствиями, новых предметов о защите Родины и новых учебников истории, переполненных величием, плюс эта самая форма с беретом, не отличимым от краповых беретов Росгвардии, делают все это весьма пугающим в перспективе. А теперь к этому прибавляются школы кибербезопасности, куда набирают с шести лет, и программы по управлению беспилотниками для тех, кто постарше. И тут юнармейские береты покажутся меньшим злом.

Девушка за рулем кое-как очищенного от снега седана, припаркованного носом в сутроб на углу одного из арбатских переулков, сосредоточенно вглядывается в навигатор, что-то на нем нажимает, потом откидывается на сиденье и закрывает глаза. Что-то явно идет не так. Открыв глаза, она оглядывается по сторонам и открывает окно:

— Вы не подскажете, как отсюда доехать до Павелецкого вокзала?

Вроде и недалеко, а задача не из простых, учитывая переплетение односторонних переулков и тотальную пробку на Садовом.

— Он пишет, что я в Химках!

— Совершенно не удивительно. Мне он пишет, что я в Шереметьево. Он теперь все время тут всем такое пишет. Здесь же интернет мобильный глушат везде: направо тут военные, налево — правительство. Курьеры и таксисты совсем с ума сходят. Так, запоминайте...

Продиктовав девушке маршрут, который она записала на диктофон (слава богу, что он пока работает без интернета), желаю ей пусть и не быстро, но добраться. Она благодарит:

— Но согласитесь, бесит это. Но ничего не поделаешь. Хорошо, что совсем пока не отключили...

Соглашаемся, что да, хорошо, и что, увы, действительно «пока».

Фото: Таисия Воронцова / Коммерсантъ

То, что у России схлопнулся образ будущего, — не новость. Но то, что у нее начнет истончаться понимание того, в какой стороне теперь искать ее будущее в принципе, оказалось для многих неожиданной новостью. Даже те, кто худо-бедно примирился и с новыми реалиями в целом, и с бесконечностью Путина, и с СВО, оказались несколько не готовы к тому, что наше национальное историческое торнадо окажется внутри общемирового большого урагана.

Совершенно непонятно стало, где друзья, где враги, с какой частью Запада мы воюем, а с какой едим чебуреки, от кого ждать помощи, а от кого удара в спину.

Вся эта неопределенность привела к тому, что даже вполне вчера еще разумные люди стали, как за спасательный плот, хвататься за те заскорузлые, но проверенные временем идеи, которыми нынешняя власть пытается выстелить себе дорогу в будущее.

— Я читал твою статью про новую идеологию...

Бывший однокашник по университету посмотрел вроде ласково, но отчетливо осуждающе. Поджал губы и покачал головой.

— Ты ничего не понимаешь... Вот ты иронизируешь про то, что в центре всего должны быть семья, вера и служение. А что в этом плохого? Зачем ты вворачиваешь там эти твои «молись, служи, рожай», как будто-то какой-то пошлый лозунг. Подумай сама. Что в этом плохого? У тебя есть возражения против высоких морально-нравственных ориентиров? Или против того, чтобы всем быть вместе в трудный период? Против крепкой семьи? Коллективного дела? А что вместо этого?

И нечего ответить. Ведь я не буду напоминать ни ему, ни кому другому, как он сам учился в Европах, а потом туда бесконечно ездил, ездил и снова ездил. Как скакал на концертах запрещенных ныне групп, как сам писал тексты про свободу мысли, как изменил свою жизнь в какой-то момент и начал свое дело. Как восхищался новыми авторами, молодыми и вольными, как рассказывал о них с горящими глазами.

Не буду я ему напоминать, что он стал тем, кем стал, только потому, что никто не прибавал его гвоздями к работе по распределению, как неудачному браку, и не гнал палкой стричь панковскую шевелюру и идти бить поклоны в

церкви. Вот это точно было бы пошло.

В какой-то момент разогнавшееся было на ожиданиях мира прошлого года ощущение понятности того, что дальше, стало истончаться не только у тех, кто и так провел эти четыре года, как на иголках, но и у тех, кто старательно жил в режиме «все в целом в порядке, а там посмотрим». Люди стали как будто тише, движения стали чуть замедленнее, все как будто стали приглядываться и прислушиваться к окружающему миру, пытаясь настолько старательно делать вид, что все нормально, что все стало заметным образом ненормально. А если спросить...

— Ты думаешь, оно в принципе кончится?..

Близкая знакомая, неплохо встроенная в современные реалии, с работой и доходом, смутно увязанными с чем-то пригосударственным, медленно мешает сахар в чае. Мы уже поговорили о детях и погодных катаклизмах, о выставках и концертах, об общих друзьях и планах на лето, и, видит бог, я не выводила ее на разговор о чем-то большем. Но, видимо, вопрос настолько перезрел, что сорвался сам собой. А у меня нет на него ответа, кроме как пожать плечами.

— Понимаешь, я честно ждала, что оно как-то постепенно вырулит. Не знаю, как и во что, но вырулит. А оно зависло, и ни взад, ни вперед. Кажется, что там, наверху, они тоже не знают. И тянут резину. А у меня операция скоро, и я боюсь. А вдруг что. И сын откладывал свадьбу «до мира», чтобы все могли быть. А теперь до когда? Пять лет, семь, десять?

Фото: Константин Кокоскин / Коммерсантъ

Я ее понимаю и не понимаю. Да, многие из нас верили, приблизительно каждый день надеялись, что в любой день из этих тысячи четырехсот шестидесяти вдруг случится чудо — и настанет мир. Но надежда эта стала угасать, когда стало ясно, что тех, кому мир не нужен, вокруг тоже много, а иные их них сидят сильно выше, и именно они все решают. А есть те, кто хотел мира, но теперь и они злятся на то, что его так долго нет, и что тут и там вон страдают люди, погибают дети, и уже и им кажется, что нужен не мир, а победа.

— Вроде всё в моменте хорошо, если списком на жизнь посмотреть. Но почему же тогда себя чувствую, как букашка, застрявшая в янтаре? Все вижу снаружи, живу эту жизнь, она идет

снаружи меня, но как будто зависла, и есть ощущение, что надолго... Скажи, не надолго же? Не навсегда?

Какая-то часть меня, та, которая когда-то бодро рассказывала окружающим, что «не существует исторических прецедентов бесконечных коррупционных режимов», готова подставить плечо и подтвердить, что нет, это всё не на вечно и так или иначе должно разрешиться. Но другая, новая я, прожившая последние четыре года, внимательно эти года изнутри разглядывавшая, готова лишь предложить вариант в то, что слово «после» существует не просто так: у всего на свете в принципе оно должно быть.

Другое дело, что я теперь совершенно не уверена, что нам грядущее «после» точно понравится.

Этот материал вышел в шестнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Апатия, страх, адаптация, право силы... Но есть и аксиома времени](#)

Пять обстоятельств 1419-го дня с момента военной операции в Украине

16:28, 12 января 2026, Елена Панфилова